

МАРК ГОРДОН

ШАР

1993г

С.-Петербург

Цена книги - жизнь.

Наконец-то, впервые появилась на свет эта маленькая поэтическая книга, куда вошли далеко не все стихи и поэмы петербургского поэта Марка Захаровича Гордона!

Цена этой книги - жизнь! Потому что только после 80 лет жизни автора осуществилась эта мечта.

Сколько лет об издании этой книги мечтали друзья Марка Захаровича в Москве и Санкт-Петербурге, и теперь, когда мечта осуществилась, - небольшой тираж книги быстро разойдется среди друзей и ценителей классической поэзии.

Здесь не нужно говорить о достоинствах книги, так как восприятие читателей всегда индивидуально, но друзья Марка Захаровича сошлись в одном, что веноч сонетов о динозаврах в русской поэзии - интересное, удивительное явление.

Петербург - российская столица поэтов. И сколько еще неизвестных поэтов, проживших жизнь, ждут помощи для издания своих книг.

Президент Санкт-Петербургского клуба поэтов А.В.Давыдов.

Петербургский поэт Е.П.Раевский.

ISBN 5-7201-0010-5

© Марк Гордон. Стихи. Рисунок на обложке. 1993.

МАРК ГОРДОН

ШАР ЖЕЛЕЗНЫЙ

Стихи

Не говори мне: Шар Земной,
Скажи точнее: Шар Железный,
И я навеки излечусь
От боли сердца бесполезной.

К. Бальмонт

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1993

ВОСТОРЖЕННОЕ РАБСТВО

КОЩУНСТВЕННЫЙ СОНЕТ

Дикарь молился камню и кусту,
Обрызганному кровью жертв чурбану,
Ладонями стуча по барабану,
Вселял он в бога разум и мечту.

Грек подарил богиням красоту,
Сам уступая сладкому обману,
Христианин в слезах спешил к Христу,
Ему целуя руки, ноги, рану.

Земных богов самодовольный стан:
Царь-батюшка, и папа, и султан.
Ах, только бы внимать их повеленьям!

Где слава их теперь? Где блеск и мощь?
А уж на троне фюрер, дуче, вождь,
И нет еще конца обожествленьям!

1970

ИСТОРИЯ

История — восторженное рабство,
История — лишь смена тираний
От римских императоров до папства,
От папства — до республик в наши дни.

Сияет власть. Народ поет в тени:
«Мы скудоумны, ты — мудрец,
 так властвуй,
Паси, стриги, режь милосердно паству
И от волков ее оборони».

Порой восстанье вспыхнет, бури злее.
В огне дворцы, в руинах мавзолее.
Где повелитель? К стенке! На фонарь!

Но гнев утихнет — и на троне новый
Учитель неразумных, бог и царь,
И «Аллилуйя» возглашают снова.

1975

КРАСАВИЦЫ БЫЛЫХ ВЕКОВ

К «СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЕ», НАЙДЕННОЙ В РИМЕ

Исчезли башни в прахе и пыли,
Рождались божества иных религий,
Монахи при свечах писали книги,
И на костер за веру люди шли.

Триремы скрылись в голубой дали,
Сменил «Титаник» парусные брига,
Слоны ревели, мчались в бой квадриги,
И танки, кровь смешав с землей, ползли.

Проникли мы в алмазный мрак
 Вселенной
С тех пор как солнца луч благословенный
В последний раз ласкал твои черты.

И как тогда, в далекий час прощанья,
Мы смотрим с грустью, затаив дыханье,
На тленный лик нетленной красоты.

1968

БИБИ-ХАНЫМ

Из мудрого счастливого Китая
В край злобных всадников завезена,
Любимая Тимурова жена
Томилаась, дней жемчужины считая.

Метельные меха... Парча золотая...
Рубины Дели... Царская казна —
Все, чем богата каждая страна,
Ей слал воитель, княжества сметая.

А за окном, среди карагачей,
Под пение рабов и свист бичей,
Едва восток зарей воспламенится,

Украшена эмалью и резьбой,
Все выше в купол темно-голубой
Росла ее гигантская гробница.

1970

РОКСОЛАНА

И «эр» и «эл» поют нам: «Роксолана!»
Красавица в сияньи властных чар!
Среди султанш и злобных янычар —
Отрада глаз и сердца Сулеймана.

Тебе, в плену любовного дурмана,
И трон и сына — все принес он в дар,
А ты ему готовила удар
Узорного литого ятагана.

Чтоб только плоть от лона твоего
Царила в мире, словно божество,
Ты устремилась к цели хладнокровно.

И лишь во сне, забыв на время зло,
Ты возвращалась в мирное село,
Украинская бедная поповна.

1970

СЕРЕБРЯНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

К ФОТОПОРТРЕТУ ПОЭТА

Изысканно одет, в свободной позе,
Перед столом с китайской старой вазой,
Он словно завершил чеканной фразой
Сонет о попугае или розе.

Нет, не уступит он житейской прозе,
Конкистадор в ущельях Чимборазо
Иль капитан, роскошный, ясноглазый,
Чей палец на курке в ответ угрозе.

Меж тем цари — и генералы с ними,
Уже склонясь над картами штабными,
Проводят стрелы, страны разрывая,

Чтобы поэт, испив из горькой чаши,
В последний раз взглянул
на домик Маши
С площадки сумасшедшего трамвая.

1985

СОНЕТЫ АННЫ АХМАТОВОЙ

Ахматова слагала и сонеты,
Пред строгим строем их не склонена,
Но семикратно ими пленена,
Вливала жар в катрены и терцеты.

В них ею страсти горькие воспеты,
Мужского с женским вечная война,
Все новые любимых имена,
Все новых окон в черноте просветы.

И лишь на склоне жизни кочевой,
Уже с посеребренной головой,
Она узнала мир простого крова.

И зазвучал, прозрачен и певуч,
В проснувшихся аллеях Комарово
Ее Приморского сонета ключ.

1985

АННА ВТОРАЯ

Гляжу на карточку:

глаз ласковых сиянье.
Как нежен очерк губ! Лба линия чиста.
Девический пробор. Простая красота.
Все в облике ее таит очарованье.

Но как язвительны о ней воспоминанья!
«В коммуне странная жила у нас чета.
Он— признанный поэт. А кто она?

Пуста,
Смешлива. Ни ума, ни даже обаянья».

Но на колени став пред Анной
Энгельгардт,

Слова любви шептал ей
косоглазый бард,
И посвятил «Столпа» горящие страницы.

И был ей вдовый путь печалей и обид,
Но принял Ленинград ее под кров
гробницы,
Где кукловодки прах в могиле братской
спит.

1985

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Король поэтов — Игорь Северянин!
Пример для всех литературных вер,
Он в матушке-России был трувер,
В своих поэмах солнечных — южанин.

Сердца красоток рая, сам был ранен,
Для них то принц, то раб, то кавалер.
На ландолетах мчал во весь карьер
И яхтой — в Космос, чей простор
безгранен.

Когда же в серебре ноябрьских пург
Исчез навеки старый Петербург
И за поэтом цепь легла кордонов, —

То он, творцов прекрасного любя,
Их воплотил — и самого себя —
В эмаль своих белградских
«медальонов».

1988

ИРОНИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ

БРИИЯ-САВАРЕН

Только одухотворенный человек
умеет хорошо покушать.

Б. С. Физиология вкуса.

Неумолимый член французского
Конвента,
За Робеспьером он не поспешил вослед,
Но в юбке и в чепце бежал он
в Новый Свет
И тем лишил «Вдову»
законного клиента.

Вновь, выйдя на берег родного
континента,
Забыл политику:
с ней слишком много бед,
И в гастрономии философ и поэт,
Он книгу написал прочнее монумента.

Его изысканный, изящный точный слог
В ней восхваляет сыр
и страсбургский пирог,
И веет еладостно букетом тонко-винным.

Чревоугодию отдав свои мечты,
Задумчив, он, склоняясь, чертил
пером гусиным:
«Скажи мне, что ты ешь —
и я скажу кто ты».

1976

КАЗАНОВА В СТАРОСТИ

... И я очутился у входа в храм.
Казанова. Мемуары.

Вольтеровское кресло и свеча.
Как бесконечны старческие ночи!
А перед ним красоток лица, очи,
Грудей овалы, линии плеча.
Версальский двор. Шелк, бархат и парча.
Здесь он блистал, Людовика мороча,
Но всех воспоминаний средоточье —
Тот храм, где жизнь трепещет, горяча.
Он Сганареля в слугах не держал,
Мужей ревнивых шпагой не сражал,
Своей веселой занятый охотой.
Любил ли он? Быть может, только раз.
Но бьют часы. Пора кончать рассказ
О женщине последней — семисотой.

1982

Да, безусловно: мир непознаваем.
Струится Прегель через Кенигсберг,
В честь короля пускают фейерверк, —
Все это — формы. Сути мы не знаем.

Повсюду герр профессор уважаем.
Он на прогулке. Скоро час. Четверг.
Пора обедать. Знатье он отверг,
Но должен быть желудок улажаем.

Строитель Неба — славный кулинар.
Снимает крышку... ароматный пар,
Удачный соус сочинить не шутка.

Есть наслажденье в бургерской судьбе,
И сочная с начинкой нежной утка —
«Вещь для себя», хотя и «Вещь в себе».

1980

ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОЛОГИЮ

В дни войны с белофиннами
Я изучал финский.
Конечно, — слова команды:
«Сейс! Кадет улес!» —
«Стой! Руки вверх!»
И на всякий случай
(Когда мы войдем в Хельсинки!):
«Хюва нейди, мина тейте ракастан» —
«Милая девушка, я вас люблю».
А потом очутился на турецкой границе
И узнал, что хлеб по-турецки «Чурек»,
А соловей — «Бюль-бюль».
Там я влюбился в армянку,
А за нею — в азербайджанку.

1983

КОГДА ОБВАЛИЛАСЬ
ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ...

Когда обвалилась вавилонская башня,
Первые толмачи,
Указывая на небо, на кошку, на хлеб,
На вино, на детородные органы,
Вопрошали иноязычных:
«А как это по-вашему? А это? А это?»
Теперь переводчики-синхронисты
Вторят словам глаголящего,
Едва они слетают с его уст.
Есть уже переводчики-роботы,
Но так же глубоко между людьми
непонимание.

1983

МАЙСКИЙ ВЕРЛИБР

Когда занесут в «Красную книгу»
Последнего воробья,
Как об этом мечтал по ночам
Товарищ Мао Цзе-Дун;
Когда золотое великолепие одуванчиков
Станет редким, как ныне
Венерины башмачки,
Лишь тогда наконец мы поймем,
Что наша земля существует
для человека,
для воробья, для одуванчика
и башмачка Венеры.

1984

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ КРАСИВЕЕ?

Что может быть красивее
Большого рыжего петуха,
Когда он, хлопая шелковистыми
изумрудными крыльями,
Возвещает о своей победе
С высоты соседского забора?
Что может быть мелодичнее
Брачного хора лягушек
В теплый вечер на берегу заросшего
ряской пруда?
Как давно я этого не видел и не слышал!

МЕШКИ БЛАЖЕНСТВА

За окном телевизора
Солдаты сжигают гашиш —
Мешки, набитые блаженством.
А из глубины темной комнаты
Несчастливая наркоманка
(Я вижу ее!)
Глядит, вздыхает и плачет:
«Господи! Мне бы щепотку!»

1987

РАДУГА

Красный террор,
Белый террор,
Коричневый террор,
Желтый террор,
Черный террор.
А небосвод над нами голубой.

МОЗАЗАВР

Невзирая на строгую надпись:
«Экспонаты руками не трогать»,
Я засунул руку по локоть
В безысходную пасть мозазавра.
Отшлифованный морем и сушей,
Череп был шоколадного цвета,
А клыки уцелевшие — каждый
С добрым нож для разделки мяса.
Улыбнувшись собственной мысли,
Я погладил его по затылку
И почтил его память словами:
«Бедный Йорик меловой эпохи!»

1990

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Четверостишие — как маленький сонет,
Но лишь окрепнет звук
и расцветет окраска,
Рассчитывай слова: ведь близится
развязка,
Дописывай портрет, досказывай сюжет.

* * *

За мной грехов и прегрешений много.
Я не ходил по праведной дорожке,
Но я скажу: «Кис-кис!» — и к трону Бога
Сбегутся мной накормленные кошки.

* * *

Как человечества страшна дорога!
Но почему нас никому не жаль?
«Есть обязательное и для Бога» —
Осмелился о Нем сказать Паскаль.

* * *

Цветы почернели. И сыро в саду и темно.
Стук яблок последних,
ладони лимонные клена.
А я благодарен:
быть может, мне будет дано
Еще раз увидеть волшебный восход
Ориона.

* * *

Мы к морю подошли и замерли:
Какая ночь! Огни миров...
Планеты! — газовые камеры!
Планеты! — цепи скал и рвов!

* * *

Сверкнула бабочка меж сосен на заре.
Прошли Лепанто, Трафальгар, Цусима,
И Тамерлан, и Гитлер в тучах дыма,
А бабочка вновь блещет — в янтаре.

* * *

Как крутой, ребристый рог бараний,
Как рожок, что сквозь века звучит,
Как спираль галактики в тумане, —
На моей ладони аммонит.

* * *

Когда-то, в радостном угаре,
Чтобы жизнь для всех была ясна,
Бог создал мировой сценарий,
Но внес поправки Сатана.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

У КИТАЙСКОГО АНТИКВАРА

В прохладной лавке антиквара
Сижу, глядя на черепки,
А сам хозяин старый-старый,
Как эти боги-старики.

Налет веков, на вещи легший,
Одел их в тусклые цвета.
Туманен этот шелк поблекший
И кость слоновая желта.

Узоры чаши — в ярь-медянке,
Как пепел зеркала металл,
Где взгляд влюбленной китаянки
Когда-то в серебре мерцал.

Но на фарфоре ваз Чен-Луна,
Среди рисунков извиты,
Сияют краской вечно юной
В огне рожденные цветы.

Порт-Артур. 1946

КИТАЙСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Сказал мне Ли: «Я Вам открою
Немой язык китайских ваз.
В их символах сокрыт порою
Благожелательный рассказ.

Среди цветов благоуханных,
Богов, красавиц и зверей,
Быть может, различите странных
Вы четырех нетопырей.

То — знаки лучших пожеланий,
И первое: «Носи халат
Из голубой атласной ткани,
Будь и в почете и богат.

Второе: с нежной и красивой
Женой хозяйкою своей,
Ты умножай, чадолюбивый,
Веселых маленьких детей.

Пусть битв тебя минует ярость,
Будь с хворью скучной незнаком —
Да встретишь золотую старость
Румяным крепким стариком.

Последнее: благословенной
К тебе была век долгий твердь.
Да будет легкой и мгновенной
Тебе назначенная смерть».

Порт-Артур. 1946

В ТИШИНЕ

Среди глушенья, воя, свиста:
«Вьетнам, Израиль...» Кровь и грязь.
Я нервно выключил транзистор,
И тишь блаженно разлилась.

Как хорошо! Звезда-ромашка
Сияет ласково в траве,
И мужественно с ношей тяжелой
Спешит янтарный муравей.

Кусты, березки и осинки
Зеленой рощи молодой,
И в каждой трепетной росинке
Мерцает вечер золотой.

Клен шелестит, гнездо колыша,
Зеленый тянется побег...
Я хоть сегодня не услышу
Убито сколько человек.

1970

СУЩЕСТВУЕМ ЛИ МЫ?

Существуем ли мы или нет —
неизвестно.

Может быть, для существ
инозвездных планет
Мы лишь беглая тень или дух
бестелесный

И для их восприятия нас попросту нет.

Да, прекрасны и формы и краски земные,
Но пять чувств замыкают нас
в вечном кругу.

В напряженном раздумьи я чувства иные,
Допуская, представить себе не могу.

1970

МЕРКУРИЙ

Глаз, вознесенный в звездной буре, —
И тайна разоблачена:
Сияющий гонец Меркурий
Изрыт и страшен, как Луна.

Еще иллюзию утратив,
Откажемся ль от новых проб
Открыть инопланетных братьев,
Хотя бы это был микроб?

1974

ПО ВЕЧЕРАМ У ТЕЛЕВИЗОРА

Чуть слышно щелкнуло включенье,
И в мутной пропасти стекла
Еще ни звука, ни движенья,
Но вот уж гладь его светла.

Какие вести я услышу
Опять про черные дела,
Какие новые увижу
Картинны мирового зла?

1983

ВЕЧЕРНИЙ УЮТ

Облачены в мягчайшие халаты,
Разморены теплом душистых ванн,
За чашкой чая смотрим, как солдаты
Приканчивают раненый Ливан.

Одни уже застыли, раскорячась,
Став тяжелей на девять грамм свинца,
Другие же перебегают, прячась,
Беря на мушку сына иль отца.

Я стар и болен. Книжку лучше выну,
Чтоб не глядеть на страшные дела,
И прочитаю: «Ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела?»

1983

ВЫХОЖУ ИЗ СТРЕССА

Телевизор выключил и радио,
По-старинному покой глубокий,
Только кошка, грациозно прядая,
Мягко катит шерстяной клубок.

Оккупантов взорванных количество
Как-нибудь сегодня пропущу,
Выключаю даже электричество,
Зажигаю желтую свечу.

В томике старинного издания
Погляжу на тонкий фронтиспис
И прочту, как нежное свидание
Проводил с пастушкой маркиз.

1983

ПЛАЦ-ПАРАД

Иль в зеркале времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю прежних,
 новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе и драки человеков.

Г. Р. Державин

На площади, когда-то лобной,
Где флаги плещут и горят,
При трубных звуках мирно-злобный
Развертывается парад.

О возрожденье мертвых правил!
Карре красивей не желай, —
Их видя, просветлел бы Павел
И умилился б Николай!

Но где же гладкие лошадки,
Чтоб серебром подков звенеть,
И в упойтельном порядке
Художественных пушек медь?

Нет, ныне пожинают лавры
Чудовища эпох иных.
Гремя, ползут плезиозавры,
Качая шею дул стальных.

А вот акулы и блювалы,
Смотри и радуйся, душа, —
Чтобы над миром смерть блевала,
Распадом атомов дыша.

Но как же все это обычно!
Меняется лишь вид расправ.
Торжественно-косноязычный,
Державин, ты доньше прав.

1974

* * *

Доволен жребием моим:
Всю жизнь я прожил в Петербурге,
Знал ночи белые и пурги,
Блокадный хлеб, пожарищ дым...

Но если б видел я Париж
Наполеона и Бодлера,
Сказал бы я: «Ты полной мерой
Меня, судьба моя, даришь».

1987

САМИЗДАТ

С одобренной, официозной
Печатью рядом с давних дат
То легкомысленный, то грозный
Существовал и самиздат.

Но не стучали машинистки, —
Скрипело белое перо,
И по рукам ходили списки,
Звуча задорно и остро.

Ах, дерзновенные памфлеты,
Гроза святош и королей!
И смертоносные куплеты
И эпиграммы — яд и клей!

Читатели, о них проведав,
Их выпускали сами в свет.
Так начинался Грибоедов...
А Лермонтов — «Погиб поэт...»

Теперь издатель безымянный,
Лукаво обходя верхи,
Выстукивает и романы,
И мемуары, и стихи.

Невышедшие из печати
Творенья вольного ума!
Когда-нибудь о самиздате
Напишут толстые тома.

1975

НА АРБАТЕ

На славной площади Арбата,
Чтоб жизнь казалась самобытней,
На ярмарке — пусть небогатой,
Я выпиваю кружку сбитня.

В нем жар, и мед, и дух гвоздики,
Он веет прошлыми веками,
Еще и Петр-то невеликий,
И Маленьиков торгует пирогами.

1975

ДВА ПОРТРЕТА

Напудренный парик, крутой надменный
профиль,
В изящной простоте трибун невозмутим,
Но кажется порой, что старый
Мефистофель
Сентиментальнее
был по сравнению с ним.

Фуражка мятая и мягкий клин бородки,
На впалость щек легла усталости печать.
Из-под тяжелых век взгляд человеческий,
кроткий,
А пальцы тонкие — ребенка приласкать.

Гражданской доблести —
вот славных два примера:
Для будущей любви ее врагов казнить.
Но ни Дзержинского, ни Робеспьера
Я никогда не смог бы полюбить.

1978

МОДИЛЬЯНИ

Не знаю: Греко ли влиянье, —
Как вогнутые зеркала,
Вытягивает Модильяни
Свои бесплечие тела.

Мы входим в тихий мир видений:
Струится контур, чист, суров.
Глядят окрашенные тени,
Мерцает взор, но нет зрачков.

Раскроем замысел едва ль мы.
Такие ль мы? Художник прав?
Но вспомни, что с вершины пальмы
Срывает сочный плод жираф.

1961

ШАХМАТНЫЙ СОНЕТ

Как некогда людей творили боги,
В глухую глину дух живой вложив, —
Так, шахматы, народ ваш одноногий
Мы создали, чудесно оживив.

Вся ваша жизнь — военные тревоги:
То слон крушит, то конница — в прорыв,
Но пешки, погибая по дороге,
Идут в ферзи, в высокий веря миф.

А мы, таинственные Гулливеры,
(Хотя здесь ум важнее, чем размеры!)
Ведем героев, хоть и мал их рост.

Лишь медленный король ступает робко:
Доска — покрытый лаком Чортов Мост,
И, словно пропасть, павших ждет
коробка.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Мне нравится прекрасная Марина,
Но больше — ранняя, в огне и страсти:
Ах, Разин, ах, персидская княжна!

И меньше — поздняя, в поэме длинной,
У звуковых повторов вся во власти,
Где мысли тесно, речь затруднена.

Но было в ней и позднее горенье,
Неукротимое негодованье,
Когда мир довоенный шел к концу,

Ее великолепное презренье,
Ее решимость в разочарованьи
Вернуть билет безумному Творцу.

1985

ЦЕРКОВЬ ОДИГИТРИИ В ВЯЗЬМЕ

Нет, не барокко хитрое,
Не простота суровая,
О, церковь Одигитрии,
Ты — сказка трехшатровая!

Три главки золоченые,
Три башенки точеные,
Кокошники трехрядные...
Высокая, нарядная.

И в день погожий, солнечный
И в непогодь свинцовую
Ты красоты исполнена,
Как музыка духовная.

В тебе такое сильное
Есть чувство несказанное,
Как будто в старом Вильнюсе
Стою пред Санта-Анною.

1987

СТАРЫЙ КАУНАС

Расширились глаза у нас,
Когда в лучах рассвета
Предстал нам старый Каунас —
Находка для поэта.

Как на машине времени,
Назад, сквозь день вчерашний,
Играло солнце в Немане,
Алели замка башни.

И, словно свечи вечные,
Ласкали наши взоры
Соборы односвечные,
Двусвечные соборы.

И готикою пламенной,
Седой и вечно юной
Пленил нас терем каменный
Громовика — Перкуна.

По площади по ратушной,
Где жили два поэта,
Для новобрачных радостной,
Прошли мы в сменах света.

А вечером прощались мы
В душистом междуречьи
И тихо возвращались мы
И тихи были речи.

1981

У БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Лишь в Гируляе осенем я вспомнил,
 что в мире есть звезды,
 И, чтоб увидеть их вновь,
 вышел тихонько во двор.
 Мягко охвачен я был шелестящей,
 душистою тьмою.
 Мерно и глухо вздыхал где-то за рощей
 прибор.
 А надо мною, мерцая,
 светились античные сказки,
 Плыли Медведицы вдаль,
 взвив голубые хвосты,
 Кассиопея, упав на колени,
 склонялась над морем,
 И Андромеду спасти вечно стремился
 Персей.
 Я бы дожидаться хотел восхождения
 огней Ориона, —
 Зимнего неба красу встретить еще бы
 хоть раз.

1983

ПАЛАНГА

Как движутся к священным водам Ганга
 Паломники, к тебе спешит толпа:
 На золото и синь ты не скупа,
 Мечта усталых горожан, Паланга.

Вот пионеров бодрая фаланга,
 Скользят машин цветные черепа,
 И — во всю ширь песчаного серпа —
 Красотки, сзади, спереди и с фланга.

Но что это? В сиянии заката
 Из моря вышла не сама ль Юратэ?
 Янтарно тело, взгляд — волны светлей.

Взглянувшие! С покоем распрощитесь!
 Язычица! Да я-то не Каститис,
 И не грозит Перун мне молнией своей!

1980

ПИЦУНДА

Воображенью Пленя Секунда
Ты рисовалась, древняя страна.
Языческие жили племена
Тогда в земном раю твоём, Пицунда.

Шли годы, за секундою секунда,
Косматилась третичная сосна,
И вырезал упорнее корунда
Морской прибор на скалах письма.

Теперь над взморьем каменную стражей
Сереет корпусов многоэтажье,
Но розовеет византийский храм.

И радостно, с надеждою, без страха,
Под куполом его по вечерам —
Мы слушаем с тобой хоралы Баха.

1979

УЛИЦА КАЛЯЕВА

На скучной улице Каляева,
Покорной сумрачной судьбе,
Где след эпохи николаевской
И куб гранитный МГБ,

Есть дом торжественно-загадочный,
Похожий на карнакский храм,
Чей стиль помпезный и упадочный
В бетонный век отраден нам.

У входа высятся Озирисы,
Рабы перед владыкой — ниц,
И букв птицеподобных вырезы
И длинные глаза цариц.

Идем налево ли, направо ли,
Встречает нас их темный взгляд,
Как будто мы в столетьях плаваем
И возвращаемся назад.

1972

На лыжах темп убыстрили
Великие стрелки —
При каждом метком выстреле —
Очки, очки, очки!

При выстреле? Ах, в сердце вы
Попали мне, друзья!
Я вспомнил смерть эрцгерцога, —
Забуть тот день нельзя.

Не жалко мне эрцгерцога,
Не жаль его жены,
Но мир, в тот день поверженный,
Вступил на путь войны.

О страшное Сараево!
О первой пули свист!
О мир, смертельно раненный!
О юный террорист!

1984

КЕНИГСБЕРГ В 1945 ГОДУ

Я проходил вдоль каменных фестонов,
Торчащих труб, подобных зубьям вил,
Сожженных стен, закрученных перил,
Глазниц оконных, рухнувших балконов,
Колонн разбитых, треснувших фронтонов,
Кариатид, похожих на Сивилл,
И вот он — замок, что свидетель был
Турнирных празднеств рыцарей-тевтонов.

На площади пред ним в сияньи дня
Застыли, молча Гитлера кляня,
Два монумента — короля и князя.

И всюду, торжествуя права,
Над хаосом развалин, щебня, грязи
Уже вставала сорная трава.

1945—1988

У МОГИЛЫ КАНТА

Как декорация, не знающая смены,
Собора древнего обугленные стены.

Перед одной из них есть небольшой
придел,
Где спит познанию поставивший предел

Мы знаем: в небесах есть черная дыра,
Чтоб не пропасть душе, одуматься пора.
Еще мерцает нам последний луч добра.
Его хоть сохранить, Аллах, нам помоги!
1987

ЖЕСТОКОЕ РОНДО

Конец столетья! Нет во тьме дорог.
Мы заблудились. Где родной порог?
Дома в огне, сады облиты кровью.
Пусть люди мчатся кругозвездной
новью, —

Здесь, на Земле, их ожидает рок.

Христос хотел спасти людей любовью,
Маркс вел к борьбе за счастье.
Все не впрок!

Немилосерден, страшен, горек, строг
Конец столетья.

Напрасно Гитлер миру дал урок.
То здесь, то там военный воеет рог,
Суля нам смерть, сиротство,
долю вдовью.

А непокорных — под стопу слоновью.
Разбой, раздор, разор — таков итог
Конца столетья.

1983

НЕ МЫ...

Не мы, не мы
Земли любимые сыны —
Ей ближе дождевые черви,
Родимой тьмы
И тишины
Они чувствительные нервы.

1986

ЧЕРНОБЫЛЬ

Чернобыль —
Не злоба ль
Оковы сорвавшей материи?
Черна былль,
Черна пыль,
Пыль смерти, которую мерите.
Уходит на убыль
С ворчаньем: «Войну бы!»
Черна былль,
Черна боль...

1986

РАЗГОВОР С БУДДОЙ

На столе у меня в канонической позе
Будда руку простер, это знак: «Ободришь!
Жизнь — страданье, а все-таки радуйся
розе,
Будь доволен, когда у тебя чай и рис.

А жены твоей доброй нет лучше на свете:
На капризов, ни жалоб, ни модных затей.
У тебя на коленях внучонок твой третий,
И тебе улыбаются лица детей.

Попадешь ли ты в рай —
лишь твой Бог это знает,
А у нас не положено райских наград,
Ну, а если уж ад, то он тех не пугает,
Кто когда-то блокадный прошел
Ленинград».

1989

ПРОЩАНИЕ С РИФМОЙ

Я прощаюсь с рифмой «Ленинград».
Как созвучен с ней был Летний сад!
Над Невою огненный закат,
А в саду шуршащий листопад,
А у сада славная ограда...
И незабываема блокада.

СОЖАЛЕНИЕ

На склоне лет моих многих
В распавшемся царстве скифском
Я только о том жалею,
Что мало прочел я книг

Печальных, смешных и строгих
О добром, прекрасном, низком,
Сроднённых с душой моею,
В которых вечность и миг.

1992

II

Я вас любил с далеких детских лет
В наш сумрачный и грозный
 век двадцатый,
Когда природа требует расплаты
За боль и стыд ей причиненных бед.

А как прекрасен был ее расцвет
И как могуч животный мир богатый,
Мир ящеров, лесной, морской, крылатый
Владевших всем по праву их побед!

Как человечеству в дни человека,
Так вам принадлежала вся земля, —
Моря и реки, горы и поля.

Воображению разве есть запрет?
Вот почему в годах двадатых века
Ваш образ был мечтой моей согрет.

III

Ваш образ был душой моей согрет,
Когда входил я в царство
 книжных полок,
Шкафов, где за стеклом зеленый полог,
Сказать точнее — в отцовский кабинет.

Знать все о динозаврах — мой предмет.
Над книгами, — а путь к познанию
 долог, —
В несбыточных мечтах палеонтолог,
Какие вы? — Я находил ответ.

Тома Неймайера, Гааке, Брема!
Страницы их звучали, как поэма
О бесконечной древности земли,

Когда леса великие росли,
А в них скрывались «доки», «завры»,
 «доны» —
Тиранозавры, игуанодоны.

IV

Тиранозавры, игуанодоны
Глядели на меня с цветных таблиц,
Как будто выйдя из глухих гробниц,
Где спал их род, навеки погребенный.

А я на них глядел, замороженный,
Похожих на чертей, на змей, на птиц,
Противных, с точки зрения тупиц.
А для меня — красы неизреченной.

С Жюль Верном я завидел их вдали,
Мы с Конан Дойлем рядом
 в джунглях шли,
Где поджидал нас ящер разъяренный.

Ах, с ним бы повстречаться наяву!
Но не забуду я, пока живу,
То, что в музее видел, потрясенный.

V

Я помню, как в музее, потрясенный,
Увидел я все то, о чем мечтал,
Когда вошел в высокий белый зал,
Скелетами чудовищ населенный.

Гигантский остов, кверху устремленный,
Кривые лапы надо мной вздымал.
«Зауролоф» — такую прочитал
Я надпись на табличке прикрепленной.

И было, как валун, его яйцо,
Где динозаврик, свернутый в кольцо,
Не вывелся уже на белый свет.

Сюда не раз я возвращался снова.
Прошли года — и ящера другого
Я увидал чудовищный скелет.

VI

Я увидал чудовищный скелет
Крупнейшего из завров — диплодока,
Вдоль зала он тянулся одиноко,
Как бурею разрушенный корвет.

Был хвост его длинней, чем у комет,
А голова мала — насмешка рока!
Из тьмы времен, безмерной и жестокой,
Казалось, он мне посылал привет.

А рядом с ним, в окаменелом гневе,
Зияли пасти двух иностранцевий,
Ужасных, словно опиумный бред.

Как описать их? Волко-крокодилы.
Но вот еще встал призрак из могилы:
Колонны бедер, аркою — хребет.

VII

Колонны бедер, аркою — хребет
Увидел я перед собою прямо,
Как острый свод готического храма,
Расколотый ударами ракет.

Крутые ребра, таз, лишь плоти нет,
От целого — оставшаяся рама,
От прошлого — оконченная драма,
Судьба всего живого, всех планет.

И мы теперь, искатели сокровищ,
Руины храмов, костяки чудовищ
Находим, вскрыв земных пород пласты.

А остов возносился непреклонно,
И на меня глядели с высоты
Клыкастый череп, глаз провал
бездонный.

VIII

Клыкастый череп, глаз провал бездонный
Одел я кожей и зрачки зажег,
И мой дракон уже лежал у ног,
А я стоял, Пигмалион влюбленный.

Шлемоголовый, в чешуе червленной,
Еще мгновенье — сделал бы прыжок,
Но без меня он двинуться не мог,
Моей мечтой еще не оживленный.

Был первый вздох его, как хриплый вой,
И, повинаясь силе непостижной,
Зверь изогнул хребет бугристый свой.

Мои фантазии! Из прозы книжной
Возникнув, становились вы подвижны,
И я вас плотью одевал живой.

IX

Да, я вас плотью одевал живой.
Трехрядные исчезли трилобиты,
Но щупальцы раскрыли аммониты,
Плыл целакант в пучине голубой.

Два ящера вели за самку бой,
Плезиозавр кружился в пене взбитой,
И с жертвою, в погоне им добытой,
Блеснул своей змеиной головой.

Причудливый в причудливейшей эре
Полз стегозавр в чешуйчатой броне
С пилообразным гребнем на спине.

Драконы! Жизнь даря вам в полной мере,
При лампе, вечерами, в тишине,
Я вашу кровь гнал по стволам артерий.

X

Я вашу кровь гнал по стволам артерий,
И я следить часами был готов,
Как вы бродили в зарослях кустов
Или скрывались в сумрачной пещере;

Как динозавриха сынов и дочерей
Водила вдоль озерных берегов,
Но, хищника вдали слышав рев,
Вдруг замирала, зубы злобно щеря.

Над грозным миром опускалась ночь,
Спеша туманом душным заволочь
Лес папоротников и дали прерий,

И в свете древней огненной луны
Скользили, бликами озарены,
Изысканно-уродливые звери.

XI

Изысканно-уродливые звери!
«Сюрреализм», — сказал мне друг. —
«Да, ты,

Пожалуй, прав, — ответил я. — Мечты
Художников, творивших в этой сфере».

«Жираф» Дали и «Слон» его. Химере
Босх придавал реальные черты.
Рога и гребни, крылья, жабы рты,
А мы глядим — и веря и не веря.

Природа, полная первичных тайн,
Чертила вдохновенно свой дизайн,
Прообраз создавая мировой,

И, населяя твердь и океаны,
Рождались карлики и великаны,
Свидетели эпохи меловой.

XII

Свидетели эпохи меловой,
Мистическими стали наши встречи,
Как и мои о динозаврах речи.
Простишь ли ты меня, читатель мой?

Так не пора ль вернуться мне домой,
Законам смерти больше не перечу.
Моя душа — она ведь человечья
И смертною окружена каймой.

Как некогда погибли динозавры,
Так апокалипсис, быть может, завтра
Неотвратимо человека ждет.

Пройдем и мы. Но что произошло бы,
Когда б до нас достигли бы высот
Первоприроды творческие пробы?

XIII

Первоприроды творческие пробы!
Конструкции из мяса и костей.
Как снарядить в путь жизненный детей
И что еще в борьбе им помогло бы?

Трицератопс, трехрогий, низколобий,
Вкруг шеи щит — пробить его сумей.
Плезизавр. Он — черепахо-змей.
Тиранозавр. Он властелин чащобы.

Еще решенье: взмахом острых крыл
Над рощей первый птеродатиль взмыл.
Он первоптицам к небу путь открыл.

Где были пальмы, там теперь сугробы,
И Человек Разумный вас сменил,
Не знавшие разумной нашей злобы.

XIV

Не знавшие разумной нашей злобы
Вы, звери, были милосердней нас.
Вы убивали, чтобы жить, и вас
Гнал на охоту алчный зов утробы.

А мы, безумцы, убиваем, чтобы
Как можно больше погубить зараз.
Все хорошо для этой цели: газ,
Огонь, свинец, и атом, и микробы.

Что с данной нам землей свершили мы?
И вот стоим уж на пороге тьмы,
Куда привел нас разум беззаконный.

И мне милей вернуться к временам,
Когда бродили вы, подобно снам,
О динозавры, о мои драконы!

XV

МАГИСТРАЛ

Ах, динозавры! Вы — мои драконы,
Любимые с далеких детских лет.
Ваш образ был душой моей согрет,
Тиранозавры, игуанодоны.

Я помню, как в музее, потрясенный,
Я увидел чудовищный скелет.
Колонны бедер, аркою — хребет,
Клыкастый череп, глаз провал бездонный.

Но я вас плотью облакал живой
И вашу кровь гнал по стволам артерий,
Изысканно-уродливые звери.

Свидетели эпохи меловой,
Первоприроды творческие пробы,
Не знавшие разумной нашей злобы.

1989

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОСТОРЖЕННОЕ РАБСТВО	3
КОЩУНСТВЕННЫЙ СОНЕТ	3
ИСТОРИЯ	4
КРАСАВИЦЫ БЫЛЫХ ВЕКОВ	5
К «СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЕ», НАЙ-	
ДЕННОЙ В РИМЕ	5
БИБИ-ХАНЫМ	6
РОКСОЛАНА	7
СЕРЕБРЯНЫЙ ПЕТЕРБУРГ	8
К ФОТОПОРТРЕТУ ПОЭТА	8
СОНЕТЫ АННЫ АХМАТОВОЙ	9
АННА ВТОРАЯ	10
ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН	11
ИРОНИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ	12
БРИЙЯ-САВАРЕН	12
КАЗАНОВА В СТАРОСТИ	13
КАНТ	14

ВЕРЛИБРЫ	15
ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОЛОГИЮ	15
КОГДА ОБВАЛИЛАСЬ ВАВИЛОН-	
СКАЯ БАШНЯ	16
МАЙСКИЙ ВЕРЛИБР	17
ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ КРАСИВЕЕ?	
МЕШКИ БЛАЖЕНСТВА	17
РАДУГА	18
МОЗАЗАВР	19
ЧЕТВЕРОСТИШИЯ	19
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ	22
У КИТАЙСКОГО АНТИКВАРА	22
КИТАЙСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ	23
В ТИШИНЕ	24
СУЩЕСТВУЕМ ЛИ МЫ?	25
МЕРКУРИЙ	25
СТУПЕНИ	25
ВИКИНГИ	27
ЧЕМ ДАЛЬШЕ	27
ПО ВЕЧЕРАМ У ТЕЛЕВИЗОРА	28
ВЕЧЕРНИЙ УЮТ	28
ВЫХОЖУ ИЗ СТРЕССА	29
ПЛАЦ-ПАРАД	29
САМИЗДАТ	31
НА АРБАТЕ	32
ДВА ПОРТРЕТА	33
МОДИЛЬЯНИ	34
ШАХМАТНЫЙ СОНЕТ	34
МАРИНА ЦВЕТАЕВА	35
ЦЕРКОВЬ ОДИГИТРИИ В ВЯЗЬ-	
МЕ	36

СТАРЫЙ КАУНАС	37
У БАЛТИЙСКОГО МОРЯ	38
ПАЛАНГА	39
ПИЦУНДА	40
УЛИЦА КАЛЯЕВА	41
НА ВЫСТАВКЕ НИГЕРИЙСКОГО ИСКУССТВА	42
ЗИМНЯЯ СПАРТАКИАДА В СА- РАЕВО	43
КЕНИГСБЕРГ В 1945 ГОДУ	45
У МОГИЛЫ КАНТА	45
ПОДРАЖАНИЕ МАХТУМКУЛИ ФРАГИ	47
ЖЕСТОКОЕ РОНДО	48
НЕ МЫ...	49
ЧЕРНОБЫЛЬ	49
РАЗГОВОР С БУДДОЙ	50
ПРОЩАНИЕ С РИФМОЙ	51
СОЖАЛЕНИЕ	51
КОШКИ	52
СОВЕТ ВРАЧА	52
СТРЕКОЗА	53
ИСТОРИЯ	54
ДИНОЗАВРЫ	55

Зак. 831. Тираж 2000. Формат 70×90¹/₃₂.
Печать высокая.

Санкт-Петербургская картографическая фабрика
ВСЕГЕИ.

Издательство "Призма - 15"
С.- Петербург 197228 а/я 826.